

Владислав Юрьевич Дорофеев

Дни

Владислав Дорофеев

Дни

«Автор»

Дорофеев В. Ю.

Дни / В. Ю. Дорофеев — «Автор»,

ISBN 978-5-457-22052-2

ISBN 978-5-457-22052-2

© Дорофеев В. Ю.

© Автор

Владислав Дорофеев

Дни

Первый день

Она любит серый костюм и красные туфельки. На левом запястье она носит перламутровый браслет, а в ушах у нее болтаются на длинной ниточке по два шарика: красный и белый и, если она склоняет голову, когда чему-нибудь удивляется или слушает, не понимая, ниточка изгибается и шарики просто валяются на плече – правом или левом; когда она не понимает, головка клонится к левому плечу, когда удивляется, головка переваливается к правому.

Она курит и просит друзей приносить опиум, тогда она остается одна, раздевается, закрывает окна, ложится на пол и курит, изредка слегка сдвигая и раздвигая ноги. У нее восхитительный ромб в низу спины над тазом, стороны ромба одинаковые и он такой, как раздувшееся веретено. Она живет одна, но есть два друга – оба синеглазые, блондин ржаной и печальный, другой рыжий и высохший.

Иногда, если пришел рыжий, она поет: среди ночи она просыпается, будит рыжего, просит прощения, он садится к инструменту, сонно играет, исполнитель он профессиональный, а она заворачивается в простыню, садится на подоконник, окутанная синим мраком, поет, обняв колени. Тихо и печально летают звуки, две фигуры в простынях играют и поют, сами себя слушают со стороны и удивляются, как они еще живы. Потом мужчина бреется, заказывает такси по телефону, для прощания она сходит с подоконника, простыня падает, мужчина целует, молча уходит. Через некоторое время звонок, мужчина уже дома, говорит: «Доброе утро, милая.»

Женщина закрывает крышку инструмента, гладит черные ледяные клавиши, затем вспоминает о том, что забыла подарить купленную зажигалку, рыжий мужчина не курит, но собирает зажигалки и карточные колоды.

Она любит своих мужчин реально за реальные пристрастия и привычки, она любит своих мужчин, и они знают друг друга; иногда один уходя, встречался с другим, на кухне, или в прихожей, или на лестнице, или возле дома. Блондин выше женщины на голову. Женщина в припадке тайного – и ей – отвращения к себе сказала блондину: «Ты, кажешься мне сплошным стволем дерева.» Мужчины приходят к женщине уже десять лет.

Тогда, десять лет назад у женщины был муж и ребенок, муж был вольной профессии и метис. Однажды к ним друзья привели блондина, блондин остался ночевать и жил еще две ночи; на третью ночь муж пошел к друзьям и остался у них ночевать, после одиннадцати позвонил женщине и сказал, что не придет. Блондин и женщина остались наедине, он хотел, но не притронулся к ней, а утром бессмысленно заснул на другой кровати, проснулся от того, что она стояла над ним: «Я испугалась, показалось, ты ушел!» Некоторое время спустя она оставила мужа и ушла к рыжему, она не жила с рыжим, но свой уход объяснила любовью к рыжему... А ребенок где-то далеко остался.

«Эти мужчины меня любят, но ни за что-то, а так, любят и все. Иногда, я представляю – они, как немые рыбы, которые раньше говорили, плавают в груди моей, живут и плавают, я им меняю воду и сыплю корм, а они прожорливые и серебристые жадно работают хвостами и ртом.» Так она говорит, поворачивается спиной к зеркалу; в углу комнаты еще осталось немного мрака, и она добавляет тьмы, прикрывая глаза ладошками и вот, кажется, разделились части тела и части мира, растворились в желе, а желе – мир.

У нее почему-то остались в памяти роды; некоторые забывают что-нибудь, а она все помнит и боль и те двое суток, в течение которых она продолжала рожать.

Деньги ей дают эти двое, сколько она захочет, столько просит, они не отказывают. Раньше она любила бывать за границей, особенно ей нравился Тунис. В памяти женщины, весь Тунис похож на белое мраморное тело Кановы.

Когда она просыпается одна, ей особенно радостно и весело – улыбка то и дело обнажает верхние зубки. Женщина любит спать на желтых простынях и, когда одна, читать Гомера. Радость ей доставляет игра на инструменте и декламация под музыку из Гомера; но когда она пытается представить Гомера, она всегда представляет его в виде головы в пространстве, голова с закрытыми глазами, если она пытается представить дальше, видит, как лицо молодеет и глаза открываются, потом немо отворяется зев рта, жилы шеи напрягаются, глаза выливаются и голова улетает кружась в далекие миры, к неведомому черному солнцу и будто нечто остается висеть, соединяя ее и улетевшую голову – это похоже на крик и похоже на вымысел.

Она отходит от окна, подходит к зеркалу, заложив ладони за голову, смотрит рассеянным взглядом, слегка напрягает ноги и подпрыгивает; «Я хочу умереть... Я сейчас хочу умереть...» Прыгает еще и еще, много неисчислимо много раз прыгает, немеют руки, она прыгает и прыгает, потом падает на пол и спит.

Третий день

Женщина мертва?

«Я сплю...» Глаза ее ожили, но прикрыты корочками-веками. Она лежит на правом боку, вдруг глаза вылупились, она подняла руку, посмотрела сквозь пальцы в небо за окном и, как раз поймала промеж указательного и безымянного пальцев солнце. В животе забулькало – хочется есть.

«Хорошая у меня комната – лицемерная, каждого, кто войдет, она обманет. Комната непостоянная и думают, что я такая же изменчивая; может быть в этом заблуждение мужчин моих... Желтая постель и красные стены необычны и приятны в хаотический полдневный час... Я, кажется, сегодня превзошла себя, так много я никогда не прыгала. Но почему я думаю об Эдгаре По, говорят он умер на скамейке в Нью-Йорке. Непонятно, сон или явь? Будто спускаюсь по лестницам Каменного театра, а на каждой лестничной площадке меня встречают, заволакивают в какие-то комнаты, там... Но, господи, я хочу есть! Сделаю яичницу и черный хлеб, а вечером, если придет блондин, выпью рюмку коньяка, рыжий парень... Не понимаю, мне совсем не хочется читать, но хочется что-нибудь сделать, хочется двигаться и больше и больше...»

Она полурусская, ей тридцать лет, а впрочем, так она выглядит, ей тридцать пять, а агатовые волосы могучей волной над шеей.

Сегодня она решила быть в украшениях из белого металла и надеть черное платье с треугольником для белой грудины и шеи, на которой пребудет ожерелье из белого металла весь день и даже ночь, если она, как в прошлый день или, как случится в ...надцатый день, когда она ночью попросит блондина по телефону, чтобы ее не «беспокоили сегодня».

Она умеет разговаривать с собой, но не вслух, а молча, как бы про себя. Однажды любопытная, она узнала, что древние греки слышали в себе второй голос: с того дня она превратилась в покорную ученицу и вслушивалась, жила одной надеждой когда-нибудь услышать себя вторую, она тогда простилась с мужем, и ребенок остался где-то далеко. Однажды утром после ванной, вытирая шею, она услышала:

– Здравствуй, пора заняться делом.

«Да, да.» – Она тотчас ответила, а удивившись, поняла, что одна и разговаривает с ней Она-Вторая.

«Кто ты? И где ты раньше была?»

– Я независимая. Раньше спала. Вполне могу обойтись без тебя до твоей смерти, но таков суровый закон вражды, если просят, надо дать то, что просят, а иначе зачем я и зачем ты.

Она подивилась самостоятельному уму неизвестной с нейтральным андрогинным голосом. Теперь, это – ее голос, который живет в ней и обсуждает вместе с ней все ее проблемы и насущные вопросы.

Незаметно получилось с этими двумя. Она никогда не думала про себя, что она греховна, ведь ей всегда было близко и доступно чувство смерти. Но как-то в забытии она увидела себя в постели сразу с двумя мужчинами. Когда-то она знала, что хочет родить и родила от любимого человека, в первый раз, когда она стала женщиной, она стала и матерью. Но вот теперь: два мужчины и она одна беззащитная меж двух гигантов на ласковой желтой постели – женщина лежит, боится дышать и повернуться, мужчины спят, сложив руки на груди, глаза закрыты очками с круглыми стеклами и торчат бородки клинышком, рыжий в синих очках, а блондин в зеленых.

Рыжий, а вслед за ним блондин предложили ей не работать и брать у них деньги, и «деньги она должна» брать, потому что они так считают. Она слушала мужчин, не благодарила, не задумывалась, не огорчалась, но затем устроила так, что они повстречались в прихожей, а когда один ушел, она все рассказала второму; и после она еще раз их сталкивала у себя и опять у себя и опять все рассказала про ушедшего оставшемуся. «Мои мужчины – благородные люди!» Нет! она, так именно, не думала, но любила любого в отдельности и никогда не мешала их, не мешала имена во время ласки и не путала свои чувства; она молчала, когда мужчины впервые встретились в прихожей, как-то молча рассказывала каждому про другого, словно, молча, но самоубийственно искала страсть и чувства.

Она отошла к центру комнаты, посмотрела в зеркало на ноги со спины: «Хороша я! хороша!» Она сама себе сшила белый хитон, сборчатый он запросто сползал с плеч, жалобно омывая наготу тела желанием побыть на великолепной плоти.

Она часто подходила к зеркалу, становилась и после легко спускала с плеч хитон – он падал к ногам на пол, а ей виделось, как позади, в глуби, мертвенным светом желтели два светильника, границы и грани комнаты растворялись и женщина уходила в невыносимо неблизкие миры и пространства, тогда она все видела и знала, всех чувствовала и даже не летела, а просто, обычно, была везде вся – так она хотела, так она жила.

Позвонил блондин.

Вечером, как обещал, пришел с рыжим догом. Все поцеловались дружески. Накормили собаку; долго пили коньяк и ели холодную рыбу и лимон, пили гранатовый сок, пробовали мешать коньяк с соком, получалось похоже по вкусу и цвету... «на глину», сказала женщина.

Блондин любил работать у женщины, здесь работалось вольно и просторно. Когда женщина утомилась, он помог ей раздеться, уложил: отправился за стол и долго-долго писал, уже запели бы петухи, но осенью ночи не такие короткие, как поздней весной и ранним летом – еще далеко до рассвета.

Мужчина перестал писать, подошел к зеркалу, подозвал собаку, опустил руку на твердую собачью голову, так постояли, прикрыв веки, потом разделся, неожиданно почувствовал вкус миндаля во рту, нагнулся над женщиной в кровати, посмотрел, взял ее тело в охапку, раскинулся на полу, а женщину уложил уютно на животе; подошел пес, попечалился, заглядывая коровьими глазами в лицо блондину, вздохнул и успокоился мордой на бедре. Женщина – некая ночная тень, свернулась на мужчине и спит, но как может спать то, что, словно, не плоть, не тело, не женщина – она! Подумал ли мужчина, что это душа, Сама Душа Муж-

чины касается его живота. Несколько секунд они восхитительно и укрочно втроем жили и уснули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.